

Известный востоковед,
директор Центра изучения стран
Ближнего Востока
и Центральной Азии

СЕМЕН БАГДАСАРОВ

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

П Е Р Е З А Г Р У З К А

Семен Багдасаров

Ближний Восток. Перезагрузка

«ЭКСМО»

2016

УДК 323(5-012)
ББК 66.3(5)

Багдасаров С. А.

Ближний Восток. Перезагрузка / С. А. Багдасаров —
«Эксмо», 2016

ISBN 978-5-699-92840-8

Ближний Восток трещит по швам. Карта региона, сложившаяся после Первой мировой войны, стремительно теряет актуальность. На наших глазах возникают новые квазигосударства, имеющие все шансы со временем превратиться в государства настоящие, всё новые области требуют от центральных правительств своих стран предоставить им автономию, а на юго-востоке Турции курды начали коммунистическую революцию. Можно сопротивляться этим процессам – а можно под шумок вписаться в них, начав свою игру. Кто управляет фигурами на ближневосточной шахматной доске, каким образом здесь затронуты интересы Российской Федерации, что нам следует предпринять и как взаимодействовать с другими игроками в регионе – этим и другим вопросам посвящена новая книга известного востоковеда С. А. Багдасарова. Федерация Северной Сирии – кто стоит за ее созданием? Попытка переворота в Турции – история не окончена? Почему Америка помогает курдским марксистам?

УДК 323(5-012)
ББК 66.3(5)

ISBN 978-5-699-92840-8

© Багдасаров С. А., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Предисловие	8
Глава 1	9
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Семен Багдасаров

Ближний Восток. Перезагрузка

Согласно решениям ВС РФ организации, перечисленные ниже, признаны террористическими или экстремистскими и их деятельность запрещена в РФ: «Аль-Каида» («База») – решение Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03–116; «Братья-мусульмане» – решение Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03–116; «Джебхат ан-Нусра» («Фронт победы», «Джабха аль-Нусра ли-Ахль аш-Шам») – решение Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ 14–1424С; «Исламское государство» («Исламское государство Ирака и Леванта», ИГИЛ, ИГ, ДАИШ) – решение Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ 14–1424С; «Исламское движение Туркестана» – решение Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03–116; «Исламское движение Узбекистана» – решение Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03–116; «Союз Исламского джихада» – решение Верховного Суда РФ от 2 июня 2006 г. № ГКПИ 06–531; «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» – решение Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03–116.

Фото С. Багдасарова на обложке *А. Новодворской*

Во внутреннем оформлении использованы фотографии:

© Максим Блинов, Асатур Есаянц, Илья Питалев / РИА Новости; Фото ИТАР-ТАСС; Fine Art / Legion-Media; © Gregorio Borgia, Burhan Ozbilici, Mahmut Bozarslan, Alice Martins, Murad Sezer, Dan Chung / AP Photo / EAST NEWS; Peter Zaharov / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Багдасаров С., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

Семен Аркадьевич Багдасаров – директор Центра изучения стран Ближнего Востока и Центральной Азии, автор многочисленных публикаций, посвященных проблемам ислама и обстановке в ближневосточно-центральноазиатском регионе, постоянный гость теле- и радиопрограмм.

Предисловие

В начале 2016 года в издательстве «Эксмо» вышла моя первая книга «Ближний Восток: вечный конфликт». В ней я рассказал немного о сложной и противоречивой истории региона, о некоторых причинах, повлекших за собой громкие события последних лет, и заметил, что о спокойствии в этом регионе нам придется забыть на долгие годы, а то и на десятилетия. И действительно, ситуация на Ближнем Востоке продолжает развиваться в сторону эскалации военных действий. А это значит, что ко всему, что там происходит, следует относиться очень серьезно.

Предельно сложной остается обстановка в Сирии. Продолжаются боевые действия на северо-западе, в районе Алеппо и близ городов Азаз и Джелабрус, расположенных недалеко от турецкой границы. На северо-востоке страны образовалось автономное квазигосударство – Федерация Северной Сирии, которая занимает ряд стратегически важных территорий, таких как долина Евфрата, и контролирует значительную часть границы с Турцией. По сути, Сирия на сегодняшний день как единое, территориально целостное государство не сохранилась. Растет напряжение в Ираке, где между Багдадом и Эрбилем, столицей Иракского Курдистана, сложились крайне непростые отношения. Да и внутри собственно курдского движения в Ираке и Сирии тоже не все гладко. Начались боевые действия и в Иранском Курдистане.

Наконец, Россия после недолгого, но очень резкого охлаждения отношений вновь пошла на перемирие с Турцией. При этом о реальном перемирии говорить не приходится. Ведь, как известно, практически вся помощь, которую получают террористические группировки, воюющие сейчас на северо-западе Сирии против нашей коалиции – а значит, и против нас, – идет из Турции. Не говоря уже о том, что еще недавно мы говорили о связи Эрдогана с «Исламским государством» в контексте продажи нефти, артефактов и многого другого, а сейчас вдруг пожимаем ему руку. Как это понимать?

Цель моей новой книги – разъяснить то, что сейчас происходит на Ближнем Востоке, спрогнозировать то, что будет происходить, и рассказать, какую позицию должна занимать Россия исходя из своих интересов национальной безопасности и как нам, гражданам Российской Федерации, следует относиться к тем или иным событиям, происходящим в регионе.

Глава 1

Новые карты Ближнего Востока

Почему меня так привлекает Ближний Восток? Наверное, есть какое-то тяготение на уровне генетики. Но это и в самом деле уникальный регион. Здесь зародились все три авраамические религии: христианство, ислам и иудаизм, сторонниками которых является большинство верующих людей. Возьмем ту же Сирию – посмотрите, какое разнообразие там было до начала гражданской войны 2011 года!

Мусульмане-сунниты: основной мазхаб – ханафитский, распространенный также на территории Российской Федерации. Есть также сунниты-суфии. Шииты: двенадцатники (джафариты), крайние шииты – исмаилиты-низариты и исмаилиты-мусталиты (кстати, Сирия – это один из очагов исмаилитизма после падения единого исмаилитского Фатимидского халифата, куда входили территории современных Египта, Сирии, Палестины и Магриба); алавиты – приверженцы уникального религиозного течения, включающего элементы ислама, маздакизма и других религий. Есть друзы, так же как и все крайние шииты, верящие в переселение душ.

Сирия и для христианства является одним из исторических центров. Именно на пути в Дамаск обратился в христианство будущий апостол Павел, тогда еще Савл, активный член «партии» фарисеев – крупнейшего религиозно-философского течения в иудаизме, задачей которого было охранять иудаизм от влияния извне. Савл, бывший жестоким гонителем христиан и абсолютно уверенный, что совершает праведное дело, услышал вдруг голос Бога и на три дня ослеп, после чего уверовал и сам стал христианином. По крайней мере, так говорит нам Библия. А спустя годы благодаря Павлу небольшая, по сути, секта превратилась в мировую религию – и это уже подтверждает история. Помню, когда однажды во время эфира на одной популярной радиостанции я сказал, что Сирия – это наша Святая земля, многие либерально настроенные деятели возмутились. Ну, что тут скажешь. Историю все-таки надо знать.

На земле Сирии творили многие святые. Например, Иоанн Дамаскин, араб по происхождению. К слову, в доисламский период и на территории Сирии, и на Аравийском полуострове было очень много христианских арабских племен. И христианство как основа того мироустройства, которое возобладаало сначала в Римской империи, а потом и за ее пределами, очень бурно развивалось именно в Сирии.

Но, говоря о религиозном многообразии той же Сирии, мы должны отдавать себе отчет в том, что христианство на Ближнем Востоке – и в Ираке, и в Сирии, и, возможно, в перспективе в Ливане – стоит на грани той же судьбы, которая постигла христиан в Османской империи. Еще в середине XIX века, по самым скромным подсчетам, количество христиан на территории нынешней Турции составляло 50 % населения. А сейчас – официально менее 1 %. Таков был результат массовых гонений и геноцида. Так вот, в той Сирии, какой она была до 2011 года, все религиозные группы – сунниты, шииты, друзы, алавиты, исмаилиты, православные, марониты, греко-католики, мелькиты и многие-многие другие – жили в мире. Например, и при Хафезе Асаде, и при Башаре Асаде христианские церкви рассматривали гражданские, семейные дела внутри своей общины в рамках христианского учения, мусульмане пользовались законами шариата, и никто ни к кому не лез и не поучал. Дети вместе учились, взрослые вместе работали, никого не притесняли по религиозному признаку. И, что интересно, суннитское большинство в Сирии всегда стояло на светских позициях – им не хотелось жить в теократическом государстве.

Сейчас на Ближнем Востоке происходят важные события, и Россия должна вести себя там прагматично. Надо реально оценивать то, что там сейчас происходит. А происходит то, что может в перспективе сильно повлиять на нашу территориальную целостность. Все это происходит рядом с нами. И когда мы видим, как в непосредственной близости от нас разваливаются государства и создаются квазигосударства, которые, по всей видимости, впоследствии станут настоящими, мы должны двадцать раз подумать, как нам себя вести.

Обратимся ненадолго к недавней истории. В период так называемых революций в арабском мире в Сирии тоже происходили беспорядки, которые затем вылились в гражданскую войну. И эта гражданская война приобрела огромные масштабы: более 400 тысяч убитых. Таких потерь ни в одной арабской стране не было: ни в Египте, когда там произошел один переворот, а потом второй, ни в Тунисе – в общем, нигде. А в Сирии это достигло такой особо радикальной формы. Речь идет о том, что ряд государств во главе с Соединенными Штатами поставили задачу свергнуть во что бы то ни стало Башара Асада как главу государства. И иногда задается вопрос: «А что это они себя ведут как маньяки какие-то?» – многие наши эксперты утверждают, что виной всему исключительно особенности англосаксонской психологии. На самом деле причина совершенно в другом.

Есть наивное представление, что уход Башара Асада с поста руководителя Сирии решит все проблемы. Но это не так. Корень проблемы гражданского противостояния в Сирии не в личности или деятельности ее президента, а в том, что мощные силы из-за рубежа поставили себе целью заменить светский режим Асада на религиозный суннитский режим наподобие тех, что уже насильно установлены в Египте и Ливии. Режим, основанный на некоем союзе салафитов и «Братьев-мусульман». Пора назвать вещи своими именами: речь шла о возможности создания на Ближнем Востоке конфедеративного государства по типу Евросоюза на политической основе союза «Братьев-мусульман» с салафитами. Возможно, со столицей в Дамаске.

Кроме того, Ирану, который с 1979 года находился под санкциями разного уровня жесткости, это не помешало создать некую шиитскую ось, используя нюансы общественной жизни в тех или иных странах, и усилить свое влияние в регионе. Это в первую очередь касалось Ирака. Образовалась парадоксальная ситуация: американцы вводят войска, устанавливают оккупационный режим, а на юге, особенно в районе Басры, все решают иранцы. И в результате того, что американцы привели шиитов к власти, но не учли, что абсолютное большинство шиитов традиционно ориентируется на Иран, Ирак оказался под влиянием иранцев.

Дальше, как уже говорилось, Сирия, где у власти президент – алавит. Когда началась гражданская война, большую роль в гражданской войне против позиций Башара Асада играла Турция, президент которой Реджеп Тайип Эрдоган близок к «Братьям-мусульманам», как и его Партия справедливости и развития. Эрдоган враждебен к алавитам, которые стали считаться мусульманами только в 1970-е годы благодаря усилиям Хафеза Асада, отца Башара Асада. Будучи мэром Стамбула, он активно уничтожал молельные дома алевитов – их просто сносили тракторами. А поскольку режим Асада прежде всего алавитский, то, разумеется, понятно стремление Эрдогана уничтожить этот режим и привести к власти «Братьев-мусульман», которым он симпатизирует. Я бы сказал, что турки играли главенствующую роль – просто при поддержке американцев, которые одобрили это. И господин Эрдоган (а его Партия справедливости и развития – это не что иное, как «Братья-мусульмане»), естественно, делал ставку на то, что, так как в Сирии большинство населения – сунниты, они могут отказаться от поддержки Башара Асада и алавитской общины в целом и дружным хором перейти на сторону его противников. Поэтому поддержал сирийских «Братьев-мусульман», которых режим Башара Асада считал и считает злейшими врагами Сирии, причем не без оснований.

Есть наивное представление, что уход Башара Асада с поста руководителя Сирии решит все проблемы. Но это не так. Корень проблемы гражданского противостояния в Сирии не в личности или деятельности ее президента, а в том, что мощные силы из-за рубежа поставили себе целью заменить светский режим Асада на религиозный суннитский режим наподобие тех, что уже насильно установлены в Египте и Ливии.

По замыслу Запада, если дать Ирану пряник в виде возможности снятия санкций, то должен быть кнут. А кнут – это выбить из шиитской системы Сирию и ослабить в Ливане «Хезболлу», тогда влияние Ирана в регионе упадет. Поэтому Запад во главе с Соединенными Штатами Америки будет и дальше стараться додавить этот вопрос. И дело совершенно не в том, плох или хорош, например, Башар Асад. Мне вообще не нравится такой подход к оценке. Какая разница, хороший он или плохой? Он просто прагматичный. Вот у американцев, которых мы, и я в том числе, часто ругаем, есть очень сильная черта – это их абсолютный прагматизм и цинизм. Кое-кто удивляется – как же они поддерживают курдов, если курды коммунисты? Да им все равно – коммунисты – не коммунисты... Им выгодно – они поддерживают. Точно так же как они выстраивают отношения с коммунистическим Китаем. Или с такими странами, как Саудовская Аравия или Катар, у которых свое представление о правах человека, – и при этом ни слова не говорят на эту тему и не кричат, что немедленно введут санкции, если там не начнут хорошо относиться к геям. Этот подход они унаследовали от британцев. Лорд Артур Бальфур, министр иностранных дел Великобритании в 1916–1919 годах, как-то раз заявил: *«Мне абсолютно неважно, какая система правления обеспечит нам доступ к нефти, но я убежден, что этот доступ является для нас жизненно важным интересом»*.

Полагаю, что нам тоже должно быть по большому счету безразлично, что и как происходит внутри других государств, но с одной оговоркой: пока это не угрожает нашей безопасности. Сейчас, когда мы вовлечены в конфликт в Сирии, формулировка «Это дело сирийского народа» уже не работает. Человеческая цивилизация существует более пяти тысяч лет – со времен Шумера, Аккада, Египта, а судя по последним данным, и еще дальше. И никогда не было такого, чтобы одно государство пришло на помощь другому, а потом сказало: «Ну, дальнейшее теперь – дело вашего народа, а мы приходили просто так – немножко людей потерять и денег потратить». Это не так. Мы должны использовать все возможности, которые отвечают нашим интересам, и очень тщательно анализировать и прогнозировать события.

Когда весной 2016 года заговорили о том, что перемирие не соблюдается, и начали собираться в Женеве, возник вопрос: а какое будущее ожидается в Сирии? Есть резолюция ООН, которая описывает будущее этой страны в единых границах, светской и т. д. Но это общие слова. А есть особенности исторического процесса, которые резолюциями ООН не регулируются. И по ощущениям все идет к тому, что со временем появится большое количество малых государств на всей территории Ближнего Востока, не только Сирии. В процесс дезинтеграции будет вовлечен и Ирак, и Саудовская Аравия, и Турция. И будет одна малая сверхдержава под названием Израиль с ядерным оружием. Причем я не удивлюсь, если к этому малому государству прирастет еще часть территории. Я плохо знаю Израиль как таковой, но тем не менее знаю, что второй народ в стране после евреев, наиболее активно участвующий в политической и в особенности военной жизни, – это друзы. В Сирии есть место компактного расселения друзов, которое находится поблизости от израильской границы. Когда-то эта территория представляла собой друзское квазигосударство и называлась Джабаль аль-Друз. Там проживает почти миллион человек – если точнее, 800 с лишним

тысяч. И я не удивлюсь, если в случае распада Сирии эта часть может «подвинуться» в сторону Израиля.

Так вот, что касается вопроса о будущем Сирии, есть три варианта развития ситуации.

Первый, фантастический. Ситуация возвращается к 2011 году, все управляется Дамаском, все хорошо и прекрасно.

Второй: создание на территории Сирии ряда квазигосударств, появлению которых не то чтобы надо способствовать, но в любом случае необходимо осознавать эту возможность и прогнозировать ситуацию в контексте наших интересов в регионе.

Третий – пожалуй, оптимальный, но трудновыполнимый, потому что у всех есть амбиции. Знаете ли вы, почему сирийские политики всегда боролись за пост президента? Потому что это фактически монарх – у него абсолютная власть. И все боролись за эту власть. Если посмотреть на историю Сирии, можно увидеть, что эта борьба велась всегда. Сирийское государство как таковое существует только с 1946 года. До этого Сирия как государство не существовала – это было просто историко-географическое понятие. На протяжении последних двух тысяч лет сирийцы всегда входили в состав какого-то другого государства, их всегда кто-то завоевывал. Даже армяне умудрились – Тигран II Великий завоевал Сирию, а потом Гней Помпей и Луций Лукулл отбили эту территорию, и она вошла в состав Римской империи.

С 1946 года прошла целая серия переворотов в борьбе за главный, президентский пост в стране. Только в 1949 году их было три! Пока не пришел Хафез Асад – в 1970 году, так сказать, в составе тандема, а с 1973-го – уже единоличным правителем. И эта должность вождельна. Вот говорят: конституцию создадим. Но если в этой конституции не будет определено, что власть президента не является единоличной и доминирующей, то как дрались за нее, так и будут драться. Ну сядет на «трон» не алавит, так кто-то другой. Тоже будет приводить к власти своих соплеменников, делиться с нужными людьми, и конфликт продолжится. Когда есть абсолютная власть, олицетворяемая какой-либо должностью, все будут за нее драться. Драться до последнего. Особенности власти в конкретной стране всегда надо сопоставлять с ее исторической реальностью. Жесткая власть может существовать долго, но в странах, где существуют сильнейшие этнорелигиозные противоречия, все рано или поздно кончается.

Поэтому, чтобы разрядить ситуацию, надо поглядеть на соседнюю страну под названием Ливан, которую я много раз приводил в пример. На самом деле я удивляюсь, почему в Ливане до сих пор нет гражданской войны – случаются отдельные беспорядки, но их подавляют. При том что единства в политической картине страны на самом деле нет. Одна сторона политического поля там, условно говоря, проиранская – это блок «Хезболлы», блок «8 марта». В блок «Хезболлы» входит часть христиан Ливана. Например, маронит Мишель Наим Аун, ветеран ливанской армии, генерал – сейчас ему уже за 80, – когда-то был президентом и поднимал восстание против сирийской армии, а сейчас стал другом «Хезболлы». Туда же входят дашнаки – это крупнейшая армянская партия. А на другой стороне – Саудовская Аравия в лице движения «Мустакбаль», или «Движение 14 марта», к которому тоже примыкает часть христиан, в том числе маронитов, потому что христианская община расколота. Но, как бы то ни было, суть политического устройства Ливана в том, как я уже говорил раньше, что власть распределена на конфессиональной основе. Какова бы ни была численность населения и как бы ни менялись пропорции, 50 % депутатов парламента будут представлять христианскую общину, а 50 % – мусульманскую, хотя сейчас в Ливане мусульман больше. А главное – нет сосредоточения власти в руках президента, премьера или председателя парламента. Власть поделена на маленькие кусочки: у президента есть чуть-чуть власти, у премьер-министра – еще чуть-чуть, и т. д. Премьер-министр тут никак не зависит от президента, а президент, в свою очередь, избирается парламентом (Ливан – парламентская

республика). Вот это и есть самое главное, что позволяет Ливану держаться на плаву. В конституции Ливана написано, что действующая там система распределения власти по конфессиям введена временно. На какой конкретно срок – сто, двести лет – не указано. Сказано только, что когда-нибудь страна перейдет к открытым выборам, люди будут голосовать и избираться независимо от своих религиозных и национальных общин и т. п. Но пока этого нет – и, в общем, слава богу.

Когда есть абсолютная власть, олицетворяемая какой-либо должностью, все будут за нее драться. Драться до последнего. Особенности власти в конкретной стране всегда надо сопоставлять с ее исторической реальностью. Жесткая власть может существовать долго, но в странах, где существуют сильнейшие этнорелигиозные противоречия, все рано или поздно кончается.

Теперь возьмем Ирак. Когда туда пришли американцы, они сказали: сейчас мы вам сделаем демократию западного образца – создавайте партии. Создали партии. Никаких квот на конфессиональной основе не предусматривалось. Кто побеждает на выборах? Конечно, партия шиитов – просто потому, что их большинство. И из их числа назначается премьер-министр, который обладает абсолютной властью. Президент страны – это курд, как правило, – это такая формальная, чисто протокольная должность, вообще ни о чем не говорящая. А вот премьер-министр – это, по сути, местный диктатор. Таким был Нури аль-Малики, сейчас Хайдер аль-Абади. Конечно, он занимает жесткую прошиитскую позицию, что не нравится курдам, которые представлены в парламенте сообразно численности населения, то есть того, сколько народу за них проголосовало. Сунниты тоже в аналогичном положении и тоже недовольны. И таким образом у людей возникает нежелание во всем подчиняться премьеру, главе исполнительной власти, по сути – человеку № 1 в стране. У курдов растут сепаратистские настроения, переходящие в стремление к независимости. У суннитов тоже появляется желание что-то свое создать. И так далее. Это отнюдь не ливанская модель. С ливанской моделью нынешняя политическая система Ирака ничего общего не имеет.

Сейчас идут долгие разговоры о новой сирийской конституции. Какой будет эта конституция? Сели за стол переговоров власть и оппозиция. Вопрос: кто будет обеспечивать национальным и религиозным меньшинствам безопасность, кто будет гарантировать их участие в управлении страной? Как это будет выглядеть? Как закрепляться? Складывается впечатление, что все, к сожалению, сведется к иракскому варианту. А этого недостаточно. Недостаточно просто провести выборы. Если в Сирии сделать такую же систему, как в Ираке, там, конечно, будет побеждать одна этнорелигиозная группа и давить на все остальные. Эти остальные будут ощущать, что им плохо тут живется, и размышлять, не сделать ли себе автономии, как у курдов. А курды и вовсе заявят, что хотят получить независимость. И все это будет отрицательно влиять на жизнь страны. Будут то и дело вспыхивать беспорядки, раскол в обществе будет нарастать – вплоть до гражданской войны. Просто из-за отсутствия договоренности – у кого что есть. А если не дать еще относительной автономии и самоуправления отдельным территориям, таким как район Джабаль аль-Друз, населенный друзами, или курдам в местах их компактного проживания, то начнется просто бесконечная война, которая в итоге безо всяких переговоров приведет к развалу страны на несколько квазигосударств. Замечу, что Сирия, по большому счету, очень похожа на Ливан, поэтому оптимальным выходом из ситуации было бы установить у себя такую же политическую систему. Будет это сделано или нет – покажет время. У меня, честно сказать, ощущение, что нет, не будет.

Нас ожидает большая война, и чем она закончится через 10–20 лет, сказать трудно. Но то, что политическая карта Ближнего Востока будет выглядеть совершенно иначе, чем сейчас, очевидно уже любому. И начинать

готовиться мы должны уже сейчас. Этот процесс идет помимо нашей воли, и от него никуда не денешься. В какой степени мы готовы и готовы ли вообще – большой вопрос.

В конце 2015 года стало известно о создании Исламской военной коалиции из 34 государств для борьбы с терроризмом, возглавит которую Саудовская Аравия. Хотя это главенство во многом формальное, поскольку турки, например, вряд ли будут подчиняться саудитам. Помимо Саудовской Аравии, в коалицию вступили Иордания, ОАЭ, Пакистан, Бахрейн, Бангладеш, Бенин, Турция, Чад, Того, Тунис, Джибути, Сенегал, Судан, Сьерра-Леоне, Сомали, Габон, Гвинея, Палестина, Союз Коморских островов, Катар, Кот-д'Ивуар, Кувейт, Ливан, Ливия, Мальдивы, Мали, Малайзия, Египет, Марокко, Мавритания, Нигер, Нигерия и Йемен. Еще более десятка стран, включая Индонезию, выразили союзу поддержку и заявили о готовности содействовать. С чем это связано? Это связано с пониманием, что «Исламское государство» уже пора на кого-то заменить. Причем заменить не в людском плане – люди могут остаться те же самые, за исключением лишь каких-то уж совсем одиозных деятелей, – а в плане названия структуры, которая будет контролировать регионы, ныне подконтрольные «Исламскому государству». К примеру, тот же Мосул в Ираке. Кто туда придет вместо «Исламского государства»? Кто-то должен прийти непременно, и предполагается, что это будет тот, кого поддержит коалиция.

Еще одна интересная информация того же периода – что США, Иракский Курдистан в лице Масуда Барзани и Турция собирались в Анкаре решать судьбу будущего Ирака. То есть представители Багдада там вообще не предусматривались. Именно об этом говорил в свое время один из высокопоставленных американских военачальников, что Ирак должен быть поделен на три части: шиитскую, курдскую и суннитскую. Для того чтобы воплотить это в жизнь, нужны серьезные военные силы. Вот с этой точки зрения коалиция и будет действовать. Вопрос в том, как она будет действовать в Сирии? Получается, что коалиция суннитов выступит против шиитов. И это может стать предтечей еще большей войны – такой, какой Ближний Восток не знал уже несколько сотен лет. По логике вещей они должны действовать как бы против «Исламского государства». Это значит, что им необходимо взять Мосул в Ираке, Ракку и Дайр-эз-Зор в Сирии и другие территории, контролируемые и «Исламским государством», и «Джебхат ан-Нусрой». В конце 2015 года лидер «Джебхат ан-Нусры» – Абу Мухаммад аль-Джулани дал откровенное интервью телеканалу сирийской оппозиции «Ориент Ньюс», где заявил, что в планах «Джебхат ан-Нусры» – взять под контроль 80 % территории Сирии. Теперь ясно, как они будут действовать и с кем будут воевать.

Так что нас ожидает большая война, и чем она закончится через 10–20 лет, сказать трудно. Но то, что политическая карта Ближнего Востока будет выглядеть совершенно иначе, чем сейчас, очевидно уже любому. И начинать готовиться мы должны уже сейчас. Этот процесс идет помимо нашей воли, и от него никуда не денешься. В какой степени мы готовы и готовы ли вообще – большой вопрос. Если мы и дальше будем делать вид, что ничего не происходит, все наши усилия окажутся напрасными.

Глава 2

Уроки истории: соглашение Сазонова—Сайкса—Пико

Сейчас, когда мы говорим об изменении политической карты Ближнего Востока, самое время вспомнить о событиях Первой мировой войны, имеющих, в общем, непосредственное отношение к событиям дня сегодняшнего. И, разумеется, у тех давних событий есть и собственные исторические корни. Освальд Шпенглер, известный немецкий историософ, когда-то сказал следующее: *«Эпоха мировых войн началась в 1878 году, когда русские стояли у ворот Константинополя»*. Действительно, история говорит нам, что достаточно часто русские стояли у ворот Константинополя, однако обстоятельства в конце концов складывались так, что дальше этого дело не заходило. Но попытки повторялись снова и снова.

Вообще идеология византизма существовала в России несколько столетий, со времен Ивана Грозного. Хочу напомнить, что Иван Грозный является правнуком последнего императора Византийской империи по линии бабушки, Софии Палеолог. Россия при нем активно расширяла свою территорию, и тогда, собственно, и возникла эта полумистическая идея о том, что в конце концов территория Византии должна отойти России как правопреемнице Византийской империи. Эта идея и предопределила возникновение проблемы проливов и проблемы Константинополя, а также стала причиной постоянного стремления России в ту сторону.

Западные государства не были в этом заинтересованы. Что значит – Российская империя возьмет Константинополь? Представляете, какой резкий рост мощи и влияния российского государства и в моральном, и в политическом, и в геополитическом плане это бы повлекло? Поэтому каждый раз, когда русская армия оказывалась у стен Константинополя, на Западе начинались интриги, которые заканчивались тем, что Россия под давлением Запада была вынуждена уступать и отказываться от тех приобретений, которые могла бы получить и по праву победителя, и по праву наследования. Даже исторические враги объединялись, лишь бы не допустить Россию в зону проливов.

Сейчас, когда я пишу эти строки, российские военнослужащие воюют (надо называть вещи своими именами) в составе известной коалиции и помогают сирийской армии и их союзникам на земле для решения целого ряда боевых задач. Возникает вопрос: а какой у нас опыт есть участия в боевых действиях на Ближнем Востоке? Я специально вывожу за рамки опыт Советской армии, военнослужащие которой работали в ближневосточных странах в качестве советников и не только. В частности, в той же Сирии мы помогали сирийской армии в так называемой битве за Ливан в 1982–1983 годах. Не говоря уже о Египте и о других странах. Я хотел бы остановиться на очень интересном опыте, полученном российской имперской армией в Первой мировой войне. Это был колоссальный, огромный опыт, который сейчас может быть нам очень полезен.

Во время Первой мировой войны Российская империя была как никогда близка к реализации византийской идеи. После завершения Дарданелльской операции войска Кавказской армии во главе с Николаем Николаевичем Юденичем в тяжелейших условиях Армянского нагорья, зимой, в 25-градусный мороз, по пояс в снегу, штурмом овладели Эрзурумом и освободили этот древний город от турецких оккупантов. Это беспрецедентное событие способствовало тому, что Франция и Англия (в тот момент бывшие нашими союзниками) признали право России на зону проливов и Константинополь. По этому поводу было заключено тайное соглашение о разделе территории Османской империи, подписанное французским дипломатом Франсуа Жорж-Пико, британским политиком и дипломатом Марком Сайксом

и министром иностранных дел Российской империи Сергеем Дмитриевичем Сазоновым и получившее название соглашения Сазонова—Сайкса—Пико. Согласно этому соглашению после окончания Первой мировой войны Великобритании должны были отойти почти все земли современного Ирака и Иордании, а также районы вокруг городов Хайфа и Акко. Юго-восточная часть Турции, северный Ирак, Сирия и Ливан предназначались Франции. А Российская империя получала в свое распоряжение проливы Босфор и Дарданеллы, Константинополь, Западную Армению, включающую Эрзерум, Ван, Битлис, Диарбекир, Харберд и Сивас, область Северного Курдистана и территорию ниже по реке Тигр. Колоссальное приобретение! Если бы не две революции 1917 года, эти территории отошли бы России, и данный факт стал бы нормальным логическим завершением процесса развития идеи византизма.

Иван Грозный является правнуком последнего императора Византийской империи по линии бабушки, Софии Палеолог. Россия при нем активно расширяла свою территорию, и тогда, собственно, и возникла эта полумистическая идея о том, что в конце концов территория Византии должна отойти России как правопреемнице Византийской империи. Эта идея и предопределила возникновение проблемы проливов и проблемы Константинополя, а также стала причиной постоянного стремления России в ту сторону.

Вот что говорится по этому поводу в мемуарах Сазонова: *«Мало-помалу вопрос об обладании Россией проливами и Константинополем созрел настолько в сознании английского и французского правительств, что я мог отправить 17 марта 1915 года русским послам в Лондоне и Париже телеграмму следующего содержания, составленную при участии сэра Джорджа Бьюкенена: «Ход последних событий привел Его Величество Императора Николая II к убеждению, что вопрос о Константинополе и проливах должен быть окончательно разрешен в смысле вековых стремлений России. Всякое его разрешение, которое не включало бы в состав Русской империи города Константинополя, западного берега Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, а равно и Южной Фракии по черту Энос—Мидия, было бы неудовлетворительно. Подобным же образом, по стратегическим соображениям, часть Азиатского побережья, заключающаяся между Босфором и рекою Сакарией и между пунктом, подлежащим определению, на берегу Измидского залива, острова Имброс и Тенедос должны будут быть присоединены к империи. Специальные интересы Великобритании и Франции в означенной области будут строго соблюдены. Императорское правительство надеется, что вышеизложенные соображения будут благожелательно встречены обоими союзными правительствами. Эти правительства, в свою очередь, могут рассчитывать на благожелательное отношение императорского правительства при осуществлении своих планов в других областях Турции, а также и вне ее пределов».*

Я привожу здесь целиком текст этой телеграммы, потому что изложенный в ней проект территориальных приобретений в области проливов был вскоре после его сообщения в Лондон и Париж положен без изменений в основание соглашения, достигнутого Россией и ее союзниками. При дальнейшем ходе переговоров этот проект был расширен и распространен на азиатские владения Турции. Настаивая на удовлетворении своих требований, назревавших веками и унаследованных от минувших поколений, Россия не имела в виду противодействовать требованиям приращения своих союзников в тех частях Азиатской Турции, на которые они предъявляли свои права.

Для нас было существенно установить русскую власть в той части Малой Азии, которая прилежала к закавказским владениям России и которая по своему этническому составу была только в небольшой доле турецкой. Этот край был театром постоянных

восстаний и невероятных по своей жестокости усмирений. О значении армянских вилайетов в отношении спокойствия и благополучия нашего Закавказья я уже говорил в связи с моей попыткой введения реформ для этих провинций, которые были обитаемы едва ли не самым несчастным христианским населением Турции».

Существует версия, что зона проливов и Константинополь были обещаны России лишь для того, чтобы она принимала активное участие в войне и ни в коем случае не сдавала позиций. Британские и французские политики понимали, что, если не сделать России щедрое предложение в виде проливов, она, скорее всего, не будет сражаться. Как писал в мемуарах Сазонов, проливы были главной стратегической целью Российской империи. Однако, когда Россия подступила к Константинополю в прошлый раз, за несколько десятилетий до описываемых событий, то есть в 1878 году, английская королева Виктория отреагировала на это так: *«Если русские возьмут Константинополь, королева будет так оскорблена, что, наверное, отречется от престола»*. Ряд специалистов считает, что и на этот раз ситуация осталась бы на уровне 1878 года, когда подошли близко, но не взяли.

Министр иностранных дел Российской империи во время Первой мировой войны С. Д. Сазонов.

Однако все же позволю себе не согласиться с этим мнением. Думаю, что Россия смогла бы реально воспользоваться соглашением Сазонова—Сайкса—Пико, взяла бы под контроль эти территории, и больше они не отошли бы никому. Это был прекрасный случай, особый случай для России – получить свой приз. В свое время Англия и Франция получили свои призы в виде Египта, Сирии, Ирака и т. д. Так что дележка предполагалась вполне честная

и даже немножко в ущерб России. По большому счету, территориально Россия получала не больше, чем Англия или Франция. Но в стратегическом плане она выигрывала очень много. И, разумеется, для России такой итог имел бы также определенное мистическое значение: войти в Константинополь и вернуть крест на храм Святой Софии – мать всех христианских церквей мира, в особенности православных церквей. Говоря о храме Святой Софии, можно вспомнить такой исторический факт: когда более тысячи лет назад в Константинополь приехали посланники князя Владимира, там правил император Василий II Болгаробойца, армянин по происхождению. Свое прозвище он получил за то, что, захватив в одном из сражений около 15 тысяч пленных болгар (а Болгария до того уже неоднократно воевала с Византией), император приказал их ослепить, оставив в каждой сотне одноглазого поводыря, и затем отправил назад, к болгарскому царю Самуилу, который при виде слепой армии умер от сердечного приступа. Так вот, посланников князя Владимира император велел отвести в храм Святой Софии на молебен. Вернувшись потом на Родину, они сказали, что не поняли, где побывали – на земле или на небесах.

Надо сказать, что отношение Сазонова к идее возвращения конкретно Константинополя было, мягко говоря, двойственным. В своих воспоминаниях он писал: *«Что касается до меня, Царьград не представлялся мне органически связанным с Босфором и Дарданеллами. Мне казалось, что он сильно затруднял разрешение вопроса о проливах соответственно нашим интересам. Как сын православной церкви, я не могу относиться к колыбели моей веры иначе как с чувством благоговения и благодарности, но политически я видел в нем всегда одну нежелательную помеху. Между Москвой и Царьградом нет племенной связи, а духовная по мере развития нашей церковной жизни и политических судеб греческой церкви свелась к мало осязаемому единству догматического учения. Как ни ценны, в моих глазах, наши отношения ко Вселенской Патриархии, они не затмевали для меня политических разномыслий между нами и греками, на которые мы наталкивались в вопросах нашей восточной политики».*

Однако надо понимать, что здесь он рассуждает как министр иностранных дел Российской империи. Его стратегическое мировоззрение как имперского чиновника приходит в противоречие с его православной верой. И это совершенно нормальное явление. Допустим, Константинополь, выражаясь современным языком, перешел бы под контроль России. Что делать с населением? Конечно, в городе проживало много армян и греков, но там было и турецкое, то есть османское, население. Поясню, что в Османской империи слово «турок» считалось, как написано в Энциклопедии Брокгауза и Ефрона, «насмешливым или бранным», представители «титულიной нации» называли себя османами и свысока посматривали на тех, кто себя называл турками (а таковыми являлись туркоманы и так называемые юруки – те кочевые племена, которые сохранили свою самобытность, при том что абсолютное большинство жителей Османской империи, в том числе территории, на которой стоит нынешняя Турция, представляли собой ассимилированное тюркизированное местное население). Однако у Российской империи уже имелся опыт решения таких проблем – когда при Александре II войска Михаила Тариевича Лорис-Меликова взяли Карс. Это большая область, где проживали христиане и мусульмане, армяне и турки и т. п. Тогда тоже стоял вопрос – что делать с Карсом. Но в конечном счете Российская империя со всем разобралась и все перемарила. То же самое произошло бы и с Константинополем: вдруг оказалось бы, что турок там вообще нет, османов примерно 20 %, а остальные – христиане.

Была у Сазонова и еще одна причина сомневаться в целесообразности присоединения Константинополя, и связана она была, если можно так выразиться, с репутацией и харизмой этого города. *«Мысль об овладении Константинополем меня, как сказано, не только никогда не прельщала, – писал Сазонов, – но я видел в ней, с точки зрения интересов России, более отрицательных, чем положительных сторон. Превратить бывшую Византию в русский*

город, который поневоле занял бы третье место в иерархии русских городов, было очевидно невозможно, а сделать из него новую южную столицу России было нежелательно, а может быть, и опасно». Дело в том, что Константинополь имеет огромное историческое значение как столица Византии. И задача встроить его в иерархию российских городов, сформировать взаимоотношения с Москвой и Санкт-Петербургом представлялась Сазонову практически нерешаемой. Не спорю, вопрос сложнее. Но я уверен, что и здесь можно было найти решение и в конечном счете Константинополь стал бы одним из основных городов Российской империи.

Пятого февраля 1916 года началась гениальная Трапезундская операция. Согласно плану, чтобы отвлечь турецкую армию и не дать ей сосредоточиться ни на одном направлении, русские войска начали наступление на нескольких вспомогательных направлениях. Первое – Битлисское направление. Наступление осуществляла 3-я Кавказская казачья бригада под командованием генерала от кавалерии Дмитрия Константиновича Абациева во взаимодействии с так называемой армянской добровольческой дивизией под командованием генерала Андраника Торосовича Озаяна. На втором направлении действовали отряды под командованием великого русского генерала Николая Николаевича Баратова. Началось наступление на Багдадском направлении. Для чего? Чтобы распылить турецкую армию. И одновременно началось наступление так называемого приморского отряда генерала Владимира Платоновича Ляхова. Если сейчас посмотреть по карте, вдоль Черноморского побережья от Аджарии они начали двигаться по родине Эрдогана, по причерноморскому побережью Турции, в сторону Трапезунда.

Их поддерживали с моря корабли Батумского отряда Черноморского флота во главе с капитаном I ранга Михаилом Михайловичем Римским-Корсаковым. Корабли обеспечивали артиллерийское подкрепление, а при подходе к Трапезунду на берег был высажен десант из двух бригад казаков-пластунов, переброшенных к месту боевых действий кораблями, и моряков Черноморского флота. В кратчайшие сроки, к апрелю 1916 года, Трапезунд был взят. В переводе с военного языка это означает, что зона проливов оказалась в руках русского командования. Военная победа была по сути достигнута, и если бы не предатели интересов страны, либералы, большевики и прочие деятели, Константинополь, зона проливов и Западная Армения вернулись бы в лоно Российской империи как правопреемницы великой Византийской империи. Именно поэтому у меня, мягко говоря, не лучшее отношение и к обоим русским революциям 1917 года, и к ключевым политическим фигурам того времени.

Среди полученного российской армией в Первую мировую войну на Ближнем Востоке опыта хотелось бы отметить уникальную спецоперацию, проведенную кавалерийским корпусом генерала Николая Николаевича Баратова. Считаю, что эту выдающуюся операцию нужно обязательно изучать в военных училищах и академиях, потому что более интересных еще надо поискать.

Николай Николаевич Баратов родился во Владикавказе. Не знаю, есть ли там памятник этому выдающемуся сыну терского казачества. Отец его был казачьим офицером, по происхождению грузинским князем Бараташвили, мама – терской казачкой. Сам себя Баратов считал терским казаком. Заслуженнейший генерал, воевал в Русско-японскую войну, в Первую мировую вначале воевал в составе Кавказской армии. Затем возникла очень опасная ситуация на южных границах Российской империи: Германия и Османская империя подготавливали мусульман Персии, Афганистана и ряда стран Центральной Азии поднять мятеж, вызвать беспорядки и ударить по русским войскам. В частности, предполагалось, что Персия должна вступить в войну против России. Замечу, что у России тогда были особые интересы на севере Персии, а у англичан – на юге. Так вот, чтобы не допустить этого, был создан особый кавалерийский корпус. Туда вошли в основном подразделения Кубанского, Терского, Донского казачьих войск и других казачьих формирований. Достаточно скрытно для тех вре-

мен войска были переброшены из Тифлиса, где находилась верховная ставка главнокомандующего Кавказским фронтом, в Баку, а оттуда на судах отправлены в персидский порт Энзили. Кстати, ставку в Тифлисе возглавлял Николай Николаевич Романов, дядя императора Николая II, тоже, вне всяких сомнений, талантливейший полководец. В начале Первой мировой войны он являлся Верховным главнокомандующим всей российской армии и флотом, но в результате интриг разного рода был смещен и отправлен на Кавказ.

«Мысль об овладении Константинополем меня, как сказано, не только никогда не прельщала, – писал Сазонов, – но я видел в ней, с точки зрения интересов России, более отрицательных, чем положительных сторон. Превратить бывшую Византию в русский город, который поневоле занял бы третье место в иерархии русских городов, было очевидно невозможно, а сделать из него новую южную столицу России было нежелательно, а может быть, и опасно».

Особый корпус действовал на огромной территории – от границ современной Турции до Аравийского залива. Задачей было, во-первых, ликвидировать в регионе влияние Османской империи и, как ни парадоксально, Швеции – шведы состояли в качестве советников в персидской жандармерии. Действия были очень эффективны. Они представляют интерес еще в связи с тем, что корпус дошел до Хамадана, одного из древнейших городов на планете, вошел в священный город шиитов Кум. При входе в Кум Баратов приказал всем, чтобы ни в коем случае не обижали местное население и вели себя уважительно и корректно по отношению к исламскому духовенству. Вообще поражает, как дисциплинированно вели себя военнослужащие корпуса, несмотря на то что были разбросаны отдельными отрядами по огромному фронту. Было приказано также не отбирать ничего у местных, за все платить хорошую цену золотом.

В ходе этой операции было продемонстрировано и военное искусство, в частности действия в горно-пустынных местностях, и дипломатическое, потому что приходилось договариваться с племенными вождями, духовенством, администрацией отдельных регионов Персии, и, конечно, беспримерное мужество. Достаточно вспомнить только об отряде сотника Гамалия. Перед Василием Даниловичем Гамалием была поставлена уникальная задача: установить связь с английскими войсками, действовавшими в районе реки Тигр. Сотня под его командованием совершила беспрецедентный марш-бросок по горно-пустынной местности, преодолев более 300 верст за 10 дней и не потеряв ни одного казака. Все поголовно были награждены орденами Св. Георгия. Этот случай стал вторым в имперской армии, когда награждалась вся воинская часть без исключения, – первым стал знаменитый крейсер «Варяг», все члены экипажа которого стали Георгиевскими кавалерами. Жаль только, что об успехах русской армии на Ближнем Востоке широкой публике практически ничего не известно. Вот скажешь «крейсер «Варяг» – и сразу глаза у собеседника теплеют. А скажешь «сотня Гамалия» – ноль реакции. Хотя, как мне кажется, опыт, который был приобретен корпусом генерала Баратова, достоин самого тщательного изучения.

В сражениях на Кавказском фронте был получен еще один интереснейший опыт. Это опыт использования – я не боюсь этого слова, в конце концов, речь идет о войне – местного христианского и езидского населения. Так, в Кавказской армии генерала Юденича огромную роль играли как линейный батальон из армян, ассирийцев и езидов, так и отдельные отряды, которые полностью поддерживали российскую армию. Для того чтобы привлечь на свою сторону дополнительные силы, русские военные вели активную работу с христианскими вооруженными формированиями, занимались их обучением, помогали с оружием и экипировкой. В этой работе участвовали многие офицеры, большинство из которых в дальнейшем сыграли неоднозначную роль в нашей истории. Одним из них был барон Роман Федо-

рович фон Унгерн, будущий лидер Белого движения на Дальнем Востоке, грезивший идеей возрождения империи Чингисхана и вернувший независимость Монголии. На Кавказском фронте барон фон Унгерн был инструктором у ассирийских вооруженных формирований – обучал их стрельбе, тактике боевых действий и т. п.

Насколько эффективными были эти действия? Судите сами. Когда турки и немцы осознали, что их планам в Персии не суждено свершиться, они решили, используя растянутость фронта, на котором действовал корпус генерала Баратова, нанести удар по его левому флангу. С этой целью был сформирован специальный турецкий корпус. К этому времени уже были хорошо подготовлены христианские вооруженные формирования – армянские и ассирийские, – которые подняли восстание в районе озера Ван. Турецкий корпус, уже приготовившийся к нападению на русское войско, был полностью разгромлен, не успев даже перейти к боевым действиям. Активно велась и работа с езидами. Вообще в составе российской армии на Кавказе воевали четыре кавалерийских полка, составленных из езидов и воевавших очень эффективно. Один из них возглавлял герой езидского народа Джангир-Ага – полковник царской армии, кавалер целого ряда высших воинских наград Российской империи.

Таким образом, учитывая центробежные стремления национально-религиозных меньшинств Османской империи, российская армия всячески укрепляла свои возможности. Пользуясь этой поддержкой, наши солдаты имели большой успех. Насколько большой? Вспомним дарданелльскую операцию. В битвах при Галлиполи османская армия разгромила союзные войска и пребывала в эйфории от победы. Турки предполагали, что теперь они перебросят освободившуюся армию на русский фронт и разгромят уже русских. Но не тут-то было. Командующим Кавказской армией был выдающийся русский генерал, коренной москвич Николай Николаевич Юденич. Жаль, что не только в Москве, но и нигде в России нет ни одной улицы, ни единого уголка, названного в честь него, потому что в Гражданской войне он сражался на стороне белогвардейцев. А ведь он был талантливейшим полководцем, не потерпевшим ни одного поражения. Честно говоря, знаменитый Алексей Алексеевич Брусилов сильно проигрывает по сравнению с ним. В тяжелейших условиях, в которых вела войну русская армия на Кавказском театре военных действий, Юденич добился очень многого – чего стоит одно только взятие Эрзурума, в то время как англичане и французы терпели поражения от османов. В российской армии говорили: «Карс – это ключ к Эрзуруму, а Эрзурум – это ключ к Константинополю». И подчеркну, что большую роль в победах, которые одерживала русская армия, играла помощь местных христиан, езидов и т. д.

Для того чтобы привлечь на свою сторону дополнительные силы, русские военные вели активную работу с христианскими вооруженными формированиями, занимались их обучением, помогали с оружием и экипировкой. В этой работе участвовали многие офицеры, большинство из которых в дальнейшем сыграли неоднозначную роль в нашей истории.

Герой Первой мировой войны генерал Н. Н. Юденич.

Я считаю, что нам пора почтить память этих генералов – героев сражений Первой мировой войны на Ближнем Востоке. Их прах должен вернуться на родину, нужно ставить им памятники и называть улицы в их честь. И не только в России – в Республике Армения просто необходим памятник Николаю Юденичу, потому что, когда начался геноцид, именно Юденич организовал массовую эвакуацию армян из опасных районов. Именно Юденич принял решение прийти на помощь местным вооруженным формированиям во время Ванского восстания и отбросил турецкую армию на 80–100 километров. Да и 102-я гюмринская база, как мне кажется, давным-давно должна была быть переименована в базу имени Николая Юденича. Пусть турки не забывают, что это было. Пришло время восстановить историческую справедливость в отношении этих людей. Лучше поздно, чем никогда.

После всего вышеописанного просто грех было отказываться не только от проливов, но и от Константинополя. Российская империя фактически не имела бы на это права. Я думаю,

что и господин Сазонов выработал бы комплекс предложений, что делать с Константинополем, и император приложил бы усилия к решению вопроса, и в конце концов Константинополь стал бы одним из основных российских городов. Думаю, государство позаботилось бы о том, чтобы и русского населения там стало побольше.

Но история распорядилась иначе. Сазонов вспоминал: *«Событие это (имеется в виду развал Османской империи. – С. Б.), важность которого нельзя достаточно подчеркнуть, не застало уже Россию в рядах победителей. Революция была в ту пору занята устройством своей пролетарской республики, основанной на костях лучших сынов прежней России. Русский марксизм сам себя изверг из среды цивилизованных государств, совершив над народами акт произвольного самоотравления в то время, когда все силы страны, как духовные, так и материальные, были ей нужнее, чем когда-либо за все ее существование. Я говорю о самоотравлении, а не самоубийстве, так как, к счастью, нет яда, которого не мог бы преодолеть молодой и сильный организм русского народа».*

Действительно, в угоду марксистской идеологии, которая в то время была еще чуждой русскому народу и спровоцировала гражданскую войну, были потеряны огромные возможности с точки зрения продвижения на юг, в первую очередь в зону Босфора и Дарданелл, а также в Константинополь. Много лет назад, когда я был слушателем Военно-политической академии, мне попала в руки книжка, выпущенная в 1921 году, – сборник секретных соглашений Российской империи. Когда я ее прочитал, понял, что эта публикация была, по сути, актом предательства интересов России: нарушение секретности стало поводом для исключения нашей страны из соглашения. Об этом тоже надо знать и помнить.

Хотел бы напомнить также, что в Первую мировую войну погибли 1,7 миллиона солдат и офицеров русской армии. Вот какой была цена вопроса. А результат – глубоко отрицательный. Снова Сазонов: *«Вопрос ставился для нас с неумолимой определенностью: добиться его благоприятного разрешения в течение начавшейся европейской войны или обречь русский народ на вероятно продолжительный период экономического недомогания и всегда возможной внешней опасности. На этот вопрос мог последовать только один ответ, насчет которого в 1914 году в России не было двух разных мнений. Они явились три года спустя, когда под влиянием нравственного разложения, вызванного переутомлением войной и падением революционной пропаганды, затмившими здравый смысл и патриотическое сознание народа и его самозванных руководителей, была произнесена подслушанная народу из-за рубежа пагубная формула: «Без аннексий и контрибуций». Ухватившись за нее, революционное правительство начало отмахиваться от завещанной России прошлыми веками политики и заклеило себя актом исторического отступничества, равного которому едва ли можно приискать в летописях человечества».*

И об этом нам надо помнить, потому что самым страшным для России всегда были не внешние враги, а внутренние, которые провоцировали разнообразные смуты, в результате которых Россия теряла территории, население, ресурсы и т. д. Посмотрите, к чему привела, например, предательская политика Горбачева. Мы потеряли колоссальные территории, колоссальные ресурсы, которые мы не можем пока вернуть. И все это бесцеремонно разграбляется, разворовывается Соединенными Штатами, Китаем, Турцией, странами Европы и т. д. И поэтому я задаю вопрос: а почему мы должны церемониться в отношении той же Турции, если у нас появится возможность вернуть свое? Весной 2016 года Эрдоган заявил, что Черное море превращается в русское озеро, поэтому надо усилить там военное присутствие НАТО, чтобы противостоять «русской экспансии». Ну что ж, как говорится, бог в помощь, усиливайте. Но и у нас тогда есть право использовать ваши слабые места, чтобы разгромить вас и вернуть себе то, что принадлежит нам по праву наследства.

Скажу откровенно: я считаю, что русский Константинополь должен стать одной из основных целей и нынешнего российского государства. Когда мне говорят, что это невоз-

можно, я отказываюсь понимать. Почему невозможно? Сейчас на Ближнем Востоке разворачиваются известные всему миру события, в частности идет гражданская война на территории Турции, о которой я еще буду рассказывать на страницах этой книги. Уже восемь провинций охвачены противостоянием. При определенном стечении обстоятельств, особенно если в игру вступит некая третья сила, Турция может развалиться. И линия этого развала пройдет не только по границе Курдистана, но и по Причерноморью, где проживают лазы, хемшилы, урумы. Иначе говоря, может повториться ситуация, сложившаяся в конце Первой мировой войны. Кроме того, извините, а кто в свое время думал о распаде великого Советского Союза, который действительно казался нерушимым? Разве нынешняя Турция – более серьезное государство, чем Советский Союз? Но он распался, и на постсоветском пространстве началась борьба – Россию и русских стали вытеснять отовсюду. Так вот, когда распадется Турция, почему бы нам не подумать о возвращении наших законных территорий в виде Босфора, Дарданелл и Константинополя?

Несколько лет назад я беседовал с одним крупным немецким политическим деятелем. Речь зашла о том, что, по моим прогнозам, примерно к 2025 году, плюс-минус, Турция как единое государство перестанет существовать. «Как? – удивился мой собеседник. – Это же член НАТО!» «Ну и что, – возразил я. – Вы полезете в гражданскую войну и будете сражаться с повстанческими армиями?» Он подумал и ответил: «Да, действительно, в это мы не полезем». Поэтому не надо думать, что НАТО будет изо всех сил противостоять неизбежному. Кстати, в конце 2015 года был опубликован доклад Национального совета по разведке США о перспективах развития ситуации в мире. В нем есть раздел, посвященный Турции. Авторы доклада утверждают, что к 2030 году Турция распадется и создастся новая геополитическая ситуация, то есть в данном случае их прогнозы практически совпадают с моими. Интересно также, что за полгода до появления доклада мэр города Диярбакыр, центра Турецкого Курдистана, Осман Байдемир заявил, что в ближайшие 10–15 лет будет создан Большой Курдистан со столицей в Диярбакыре. И если начнется распад Турции, безусловно, те же американцы, англичане, еще кто-то постараются закрепиться на каких-то территориях. То же самое необходимо сделать и нам. Конечно, мы не будем участвовать там своими вооруженными силами. Распад государства – это естественный исторический процесс, и мы должны всего лишь ему поспособствовать. Мы должны работать с курдами, хемшилами, лазами, урумами, криптохристианами. И когда то, что так долго назревало, наконец произойдет, мы должны заявить свои права. Сказать: «Это наше». Почему мы не можем претендовать на те или иные территории? С какой стати отдавать их американцам?

Кто-то скажет, что там большое турецкое население. Это и так, и не так. Население там очень мобильное, и под словом «турок» могут прятаться чуть ли не десятки разнообразных национальностей. Так что сегодня это турки, а завтра будет кто-то другой. Когда в 2007 году в Стамбуле был убит Грант Динк, редактор армяноязычной газеты «Агос», сотни тысяч стамбульцев – или константинопольцев, как угодно – вышли на улицы с плакатами «Мы все – армяне». Правда, потом примерно такое же количество вышло с плакатами «Мы все – турки». Константинополь в этническом плане в значительной степени остается криптохристианским. Сравнительно недавно одна из греческих газет написала, что в Турции находится более 30 тысяч криптоцерквей. Я разговаривал с одним турком, который сказал мне: «Неужели вы думаете, что мы не знаем, кто живет на островах? (Речь шла о небольших островах, где живут очень богатые люди, эти острова – как наша Рублевка. – С. Б.) Прекрасно знаем, какие это турки! Они тысячу лет назад ворочали финансами Византийской империи, потом – Османской империи, а сейчас – Турции». Против чего, кстати, выступает Эрдоган – вспомним его знаменитые призывы переводить деньги в государственный банк из больших частных банков. Так что, как говорится, не все так однозначно, и если вдруг Константинополь перейдет под эгиду российского государства, с большой вероятностью сразу выяс-

нится, что огромная часть его населения сотни лет мечтала о возвращении в христианский мир.

Самым страшным для России всегда были не внешние враги, а внутренние, которые провоцировали разнообразные смуты, в результате которых Россия теряла территории, население, ресурсы и т. д. Посмотрите, к чему привела, например, предательская политика Горбачева. Мы потеряли колоссальные территории, колоссальные ресурсы, которые мы не можем пока вернуть. И все это бесцеремонно разграбляется, разворовывается Соединенными Штатами, Китаем, Турцией, странами Европы.

Помните, сколько длилась реконкиста испанского народа? Восемьсот лет! Через 800 лет они вернулись туда, откуда их когда-то вытеснили, и не только вновь закрепились на своих землях, но и, в свою очередь, занялись освоением новых территорий. Или еще один пример. Когда в Португалии властвовал диктатор Антониу ди Салазар, считалось, что в стране нет евреев. Как изгнали их в Средние века, так до сих пор и нет. Однако после смерти Салазара, через 400 лет после изгнания иноверцев из католической Европы, вдруг выяснилось, что, оказывается, евреи в Португалии есть и строят синагоги. Так что не беспокойтесь, с проблемой Константинополя тоже можно разобраться методами мягкой силы. Главное – очень внимательно следить за процессами в Турции и подталкивать их в нужном направлении. Ни в коем случае не военными мерами, а путем идеологического, политического и т. п. воздействия. История показывает, что когда-то нам это хорошо удавалось. Вот что писал лорд Гамильтон в своем меморандуме от 1900 года: *«В нашей постоянной борьбе против роста русского влияния в Турции, Китае и Персии мы в последнее время не признавали в достаточной степени изменившиеся условия, в которых происходит это соперничество. Когда Россия аннексирует территорию, она ухитряется так искусно и решительно ассимилировать поглощенную территорию, что та за короткое время становится надежной ступенькой для новых шагов. Главная база наших операций – море. Мы остаемся на месте – Россия уверенно движется вперед. Наше влияние сохраняется – русское растет»*. Гамильтон здесь имеет в виду быстрое завоевание Центральной Азии – когда вроде бы только что сражались, а через 20 лет уже и говорят по-русски, и военную форму русскую носят.

Каждый раз, когда я слышу о проблемах между разными народами и религиями, мне хочется посоветовать людям обратить внимание на уникальный опыт царской России. Царская Россия ведь очень эффективно решала эти вопросы. Это, наверное, самый успешный пример в мире. Внутри страны был накоплен уникальный опыт межэтнического и межконфессионального взаимодействия. Действовал принцип имперской нации: кто бы ты ни был по национальности и религиозной принадлежности, если ты соответствуешь своим качествам, ты добьешься положения. Но был один нюанс: все-таки желательно было принять православие. Приди в лоно Русской православной церкви – и иди служи кем хочешь. Реализовывалась также политика адаптации национальных элит, благодаря которой они очень четко встраивались в существующую политическую и общественную систему.

В Средней Азии была уникальная автономия – реально на территории Российской империи существовали как бы три государства (потом два), которых не тронули: Бухарский эмират, Хивинское царство, Кокандское ханство. Кокандское ханство после ряда восстаний было ликвидировано, а Бухарский эмират и Хивинское царство просуществовали до самой Октябрьской революции. Условий, в частности для Хивинского царства и Бухарского эмирата, было два. Во-первых, первоочередное распространение на территории этих государств российских товаров и недопущение туда британских товаров. Во-вторых, внешняя политика осуществлялась из Санкт-Петербурга, оттуда указывали местным властям, с кем можно иметь дело, а с кем нельзя. Все остальное – кто правит, как правит, тирания там, не тирания –

оставалось исключительно местным делом. А эмир Бухарский, между прочим, имел звание генерала русской армии, в то время как император был всего лишь полковником. Система была выстроена очень грамотно, работала хорошо, и никому в голову не приходило на базе этих государств создавать какие-то новообразования. Эта мысль возникла уже у большевиков во время национального размежевания в Средней Азии, и последствия ее реализации еще дадут о себе знать.

Считаю, что большевики допустили принципиальную ошибку, выйдя с тезисом о России как тюрьме народов. Ведь единственный серьезный момент, который недосмотрела царская власть, – это черта оседлости. И большую роль в революционном движении сыграли именно угнетенные, в представлении людей, нацменьшинства. Хотя немногие сейчас задумываются о том, что, например, поляки всегда были буйные и из-за этого даже в систему власти не входили. Мало того, эта буйность им постоянно мешала определиться, поэтому, например, две дивизии Костюшко воевали друг против друга в войне между Севером и Югом в Соединенных Штатах. Кстати, вот за что я всегда уважал поляков – за эту буйность и воинственность. Им сказали, что немецкие танки картонные, – и польская кавалерия искренне атаковала их с копьями. И первыми, кто окружил 10-тысячную группировку немецких войск во Вторую мировую, были поляки. Конечно, потерпели поражение, но факт остается фактом. Это не чехи, на чью промышленность приходилось 40 % производства вооружения в мире, но которые не оказали никакого сопротивления, за исключением позднейшей партизанской деятельности. Немецкая армия тогда резко усилила свою мощь – благодаря захваченному вооружению и чешским военным заводам. Да и сейчас чехи по всему миру продают свои «Чезеты», и в Израиль первое оружие поставляли именно они. Чешская промышленность вообще всегда была сильная. А народ очень мирный. Приезжаешь в Прагу – ее никто не разрушал, все сохранилось, есть на что посмотреть. Так устроено: если ты мирный, тебя скушают, ассимилируют, но ты сохранишь очень многое. А если ты буйный, кровавый след в твоей истории всегда будет заметен. Правда, мирные чехи попытались выступить в 1968 году, во время так называемой Пражской весны, но с буйными венграми в 1956-м это выступление не сравнить. В Венгрии тогда была настоящая война, много советских солдат погибло. А в 1968-м в Праге единственный, кто побуянил, – это Народная армия ГДР, присланная туда наводить порядок. Наши как раз вели себя в Чехословакии очень сдержанно, а в случае чего подходили немецкие подразделения и разбирались жестко и конкретно.

Я, кстати, считаю, что не надо стесняться в нашей истории ни событий 1956 года, ни 1968-го. Советский Союз был великой империей и защищал свои национальные интересы, как и положено великой империи. А если кто-то буянил, надо было поставить его на место, и это было правильное решение советского правительства, кто бы это правительство ни возглавлял – будь то Никита Сергеевич Хрущев или его преемник Леонид Ильич Брежнев.

Однако пора вернуться к событиям столетней давности. Продвижение по Центральной Азии изрядно раздражало наших зарубежных «партнеров». Еще один британский государственный деятель конца XIX века, министр иностранных дел Великобритании лорд Гранвилл: *«Я могу понять тоску русских по Константинополю; но почему они должны продвигаться в Средней Азии, я не понимаю»*. Ему отвечает лорд Керзон: *«Они (русские) очень серьезно рассматривают вопрос о проникновении в Индию, причем с конкретной целью. Их реальная цель – не Калькутта, а Константинополь. Ради сохранения возможности использования колоний в Азии Британия пойдет на любые уступки в Европе. Вот вкратце итог и сущность российской политики»*. В целом не могу сказать, что он ошибался. Сама идеология Византийской империи времен ее расцвета предполагала расширение возможностей империи везде и всюду, там, где, казалось бы, уже все потеряно. Хочу напомнить, что при императоре Юстиниане I два его знаменитых полководца-архистратига, Велизарий и Нарсес (в греческой транскрипции – Нарцисс), настолько расширили пределы Византийской импе-

рии, что туда вновь вошла Северная Африка, Испания и т. п., а Средиземное море превратилось в византийское озеро.

Каждый раз, когда я слышу о проблемах между разными народами и религиями, мне хочется посоветовать людям обратить внимание на уникальный опыт царской России. Царская Россия ведь очень эффективно решала эти вопросы. Это, наверное, самый успешный пример в мире. Внутри страны был накоплен уникальный опыт межэтнического и межконфессионального взаимодействия. Действовал принцип имперской нации: кто бы ты ни был по национальности и религиозной принадлежности, если ты соответствуешь своим качествам, ты добьешься положения.

Для Российской империи в идеологическом плане этот принцип означал то, что надо продвигаться везде, где есть возможность, усиливая мощь своего государства.

Что касается непосредственно Индии – это торговые пути, которые надо контролировать. Пути, идущие до самого Константинополя. Китайцы сейчас строят Великий Шелковый путь – а был бы Великий Византийский путь.

Центральная Азия сама по себе – огромная территория, дающая колоссальные геополитические возможности при продвижении еще южнее. Если бы Российская империя не распалась, думаю, столкновение между ней и Британской империей на Индийском субконтиненте было бы жестче.

Одно из очередных обострений так называемой Большой игры – стратегического противостояния России и Британии в Азии – привело к тому, что в 1895 году была определена зона влияния Российской и Британской империй в регионе. Знаменитый Ваханский коридор в Афганистане был специально выделен в качестве буферной зоны – мол, вы туда не лезьте, а мы сюда не будем лезть. Граница проходила по Пянджу и Амударье. До этого Российская империя активно продвигалась на юг, а вот продвижение англичан на север было не слишком удачным в силу большей эффективности российской политики, в первую очередь военной.

Еще одна стратегически важная для России точка на Ближнем Востоке – Персидский залив. В 1902 году в газете «Русская мысль» была опубликована статья, где говорилось: *«В чем нуждается Россия, так это в выходе к Индийскому океану, но естественный для нас путь туда лежал бы не через Афганистан и Индию, а к северному побережью Персидского залива... России не нужны территориальные приобретения в Персии. Объединение многих миллионов мусульман под властью русского скипетра только помогло бы делу панисламизма. Мы можем добраться до Персидского залива, не посягая на целостность Персии. Пусть Англия раз и навсегда поймет, что нам не нужна Индия, а нужен только Персидский залив. Вопрос решен».*

У России со времен Петра Великого были планы по выходу к теплым морям. Поэтому и англичане, и американцы всегда, когда беседовали со своими союзниками в регионе, будь то шахский Иран или современные страны Персидского залива, пугали их экспансионистскими планами русских. Во время Первой мировой войны благодаря действиям экспедиционного корпуса под командованием генерала Николая Баратова удалось сильно продвинуться на этом направлении. Поставленная перед Баратовым уникальная боевая задача была выполнена, Персия перешла под контроль Антанты, и русская армия фактически приблизилась к самому Персидскому заливу.

Герой Первой мировой войны генерал Н. Н. Баратов.

Обратите еще раз внимание, какие масштабные ставились цели: зона проливов, Константинополь, Западная Армения, Курдистан и область ниже по Тигру, а совсем рядом – Персидский залив, и рано или поздно мы могли бы прийти и туда. Размах русской имперской мысли был колоссальным. Кроме того, Иран находился в сильной зависимости от Российской империи, а впоследствии – от Советского Союза. Иначе говоря, долгосрочную эволюцию целей можно было бы сформулировать так: Константинополь, зона проливов... а там, может быть, посмотрим, как будет развиваться ситуация. Но тут, как мы знаем, случился 1917 год и две революции, из-за которых все завоевания русской армии на Ближнем Востоке обернулись ничем. И потом Советскому Союзу, который вернулся к идее национальных интересов и геополитике в глобальном понимании этого слова, пришлось приложить очень много усилий для того, чтобы вновь наладить контакты в регионе и начать вести там свою работу.

Центральная Азия сама по себе – огромная территория, дающая колоссальные геополитические возможности при продвижении еще южнее. Если бы Российская империя не распалась, думаю, столкновение между ней и Британской империей на Индийском субконтиненте было бы жестче.

Сейчас обстановка в странах Персидского залива не самая простая. Многие специалисты прогнозируют в обозримом будущем не только распад Турции. Ситуация в Саудовской Аравии чрезвычайно напряженная. Напомню, что в свое время Советский Союз контролировал южную часть Йемена, Народно-демократическую республику Йемен. Предательская политика Горбачева вынудила нас уйти оттуда. А в Саудовской Аравии, как известно, есть Восточная провинция, населенная в основном шиитами, и провинция Наджран, где преобладают исмаилиты. В Наджране уже некоторое время идет партизанская война. А это означает, что есть все предпосылки к серьезному расколу. В Восточной провинции тоже ситуация очень опасная, особенно после казни в январе 2016 года шейха Нимр ан-Нимра. Причем

надо заметить, что в Восточной провинции сосредоточено 98 % нефти. Хочу по этому поводу привести очень показательное высказывание Иосифа Виссарионовича Сталина, сделанное им в 1925 году: *«Вопрос о нефти есть жизненный вопрос, ибо от того, у кого больше будет нефти, зависит, кто будет командовать в будущей войне, кто будет командовать мировой промышленностью и торговлей»*. Без этой территории Саудовская Аравия – просто пустыня, которая оказывается никому не нужной. Будем ли мы там работать? Сейчас там работают иранцы. Вопрос: а почему не мы? У нас там тоже есть большие возможности. Там масса людей из числа йеменцев, которые обучались в России, знают русский язык. Надо использовать этот ресурс и работать на этом направлении. Кроме того, сейчас наблюдается очень сильный настрой на восстановление независимости Южного Йемена – и здесь тоже надо работать. Все это – стратегически важные для нас направления.

Провинции Восточная и Наджран – очаги напряженности в Саудовской Аравии.

На переговорах, предшествующих подписанию соглашения Сазонова—Сайкса—Пико, естественно, уделялось много внимания еще одной ключевой точке региона, находившейся в тот момент в подчинении Османской империи. Вот что писал Сазонов: *«Была еще другая турецкая область, имевшая в глазах русского народа чрезвычайно важное значение. Это Палестина, куда столетиями направлялась непрерывная струя русских паломников*

на поклонение святым местам. Эти паломничества, по численности своей превышавшие число паломников всех других христианских стран вместе взятых, и привели к возникновению Православного палестинского общества, обладавшего большими материальными средствами и раскинувшего сеть своих духовных и учебных учреждений по всей Палестине и отчасти Сирии. Эти учреждения пользовались ввиду их национального значения особым покровительством нашего посольства в Константинополе и консульств на местах. В силу общего правила, что на Востоке все так или иначе связано с политикой, эти учреждения, по существу своему чуждые ей, не были лишены некоторого политического значения, являясь показателями русского влияния. При переговорах с союзниками относительно перемены, которым должно было подвергнуться политическое положение Турции по окончании войны, вопросу о Палестине было отведено свое место. Россия, не предъявляя для себя особых прав и преимуществ, потребовала лишь неприкосновенности того положения, которого ей удалось достигнуть в Палестине во времена турецкого владычества, и прежде всего – беспрепятственного допущения своих паломников к святым местам, независимо от того нового порядка, который должен был быть там установлен».

Схема раздела земель Османской империи по соглашению Сазонова-Сайкса-Пико.

К сожалению, добиться того, чтобы Палестина или хотя бы какая-то часть Святой земли отошла пусть не во владение, но под протекторат России, не удалось. В дальнейшем, оправившись от катастрофы, которую повлекла за собой череда революций, советские руководители стали пытаться внедрять туда агентов. Например, в начале 1920-х годов на Ближнем Востоке работал Яков Блюмкин, который был, если можно так выразиться, нашим Лоуренсом Аравийским: он организовывал перевороты, создавал коммунистические партии, участвовал под видом буддийского монаха в Центральноазиатской экспедиции Николая Рериха и был резидентом ОГПУ в Константинополе.

Я думаю, что в руководстве партии большевиков были люди, которые понимали, что в конечном счете Россия, как бы она ни называлась и кто бы ею ни правил, обязана быть имперской страной, и поэтому нельзя позволить себе потерять все, что имеешь. Со временем

послереволюционный угар начал отходить на второй план, и в конечном счете, уже во время Великой Отечественной войны, товарищ Сталин осознал, что надо строить подлинно имперское государство, а коммунистическую идеологию использовать для пропаганды и продвижения своих интересов. Да, многое было утрачено, но впоследствии Советский Союз уже проводил такую же здоровую имперскую политику, какую проводила в свое время Российская империя, и по максимуму использовал имеющиеся возможности распространять свое влияние, в том числе на Ближнем Востоке.

Агент Советской России на Ближнем Востоке Я. Блюмкин.

Конечно, борьба за Палестину шла постоянно. Всем хотелось эту стратегическую территорию взять под контроль. Интересно, что, когда читаешь документы, относящиеся к

периоду, предшествовавшему возникновению государства Израиль, есть ощущение, что, если бы ситуация сложилась чуть иначе, здравый смысл возобладал бы, и арабо-израильского конфликта удалось бы избежать. Все знают об обещании, которое лорд Бальфур официально дал лорду Ротшильду в своей знаменитой Декларации 1917 года: *«Правительство Его Величества относится благосклонно к восстановлению национального очага для еврейского народа в Палестине и приложит все усилия к облегчению достижения этой цели. Вполне понятно, что не должно быть предпринято ничего, что может повредить интересам, как гражданским, так и религиозным, нееврейских общин в Палестине или правам и политическому статусу евреев в какой-либо другой стране»*. Однако мало кто знает о соглашении между эмиром Фейзалом, сыном шерифа Мекки Хусейна, который представлял арабское королевство Хиджаз, и Хаимом Вейцманом, выступавшим от имени Сионистской организации, подписанном в 1919 году. Вскоре после этого Фейзал писал профессору Феликсу Франкфуртеру: *«Мы чувствуем, что арабы и евреи – двоюродные братья, которые страдали от угнетения со стороны тех, кто сильнее их, и по счастливому совпадению мы можем сделать первый шаг навстречу достижению наших национальных идеалов сообща...»* Но, к сожалению, эта позиция не получила развития, и конфликт стал набирать обороты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.